

Для Анатолия Вострилова районные дороги не отвлеченное понятие. По ним шла его комсомольская юность.

Вырос А. Вострилов в селе Давыдово Горьковской области. В 1957 году, будучи студентом Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, он выезжал по путевке комсомола на уборку целинного урожая. В 1959 году, после окончания университета, А. Вострилов стал журналистом: работал в районных газетах, Горьковской телестудии. И сейчас, являясь сотрудником редакции районной газеты «Борская правда», он постоянно ездит по районным дорогам, дающим ему новый материал для литературного творчества.

Стихи А. Вострилова печатались в областных и районных газетах, коллективных сборниках, в «Волжском альманахе».

«На районных дорогах» — первая книга молодого поэта.

НАПУТСТВИЕ

Если сердцу хочется простора —
Не томи его и не горюй.
Чемодан возьми и выдь за город,
У дороги встань и — голосуй!
Голосуй за дальность расстояний,
И за этот долгожданный миг.
И садись без всяких колебаний
В первый же попутный грузовик.
И пускай спокойно сердце бьется
В час, когда внезапно под тобой
Ленточка асфальта оборвется
И растает в дымке голубой.
В час, когда машина многотонная
Задрожит, замечется...

Держись!

Это наши сельские, районные,
Дальние дороги начались!
Те, что не подбиты, не подмазаны,
Те, которых в жизнь не сосчитать,
На которых стрелкой не указано,
Много ль ехать, много ли шагать...
Только ты напрасно не пугайся,
Что конца дороги не найдут.
Только ты их не остерегайся —
Все они на родину ведут!
И пройдя своею, неизвестной,
Никому не ведомой тропой,
Ты поймешь, откуда наши песни,
Хлеб и соль и кров над головой.
Ты поймешь, что вовсе не напрасно
Выходил тропу свою искать...
Этот миг заветный, это счастье
Я тебе желаю испытать!

ЗВЕЗДЫ ПЯТИКОНЕЧНЫЕ

Каким путем ты ни пошел бы
В мой край — везде перед тобой
Он встанет, этот скромный столбик
С пятиконечною звездой.
И вспомнишь ты, что кто-то в жизни
Недомечтал, недолюбил...
Как много их в моей Отчизне,
Звездой увенчанных могил!
Не на погостах те могилы,
Где тишина да благодать:
Мы, люди, словно разучились
Спокойной смертью умирать.
В глухих лесах могилы встали,
От всех селений далеко,
Где наших дедов поджидали
Во тьме обрезы кулаков.
У деревень и полустанков
Могил наставила война,
Когда орда фашистских танков
Внезапно ринулась на нас.
Так и не встретив Дня Победы,
Спят вечным сном ее творцы —
Недоучившиеся деды,
Недомечтавшие отцы.
Повсюду спят сыны народа,
Отдавшие народу жизнь...
И нет, не дешево свобода,
Земля и небо нам дались!
И знаю: в звездную дорогу
Нам выйти первым удалось
Лишь потому, что много-много
У нас в полях осталось звезд!

«КОЧЕТКИ»

Так смеха ради санки называли
Во дни войны в селе моем лесном.
Их с вечера дровами нагружали
И оставляли на ночь под окном.
А утром их полозья запевали,
Когда взаправдашние кочета,
Пригревшись возле кур на сеновале,
Еще во сне не слышат ни черта.
А утром против снега, против ветра,
Бабенки в одиночку и гурьбой
В район, за восемнадцать километров,
Тащили эти санки за собой.
И было видеть хуже всякой пытки,
Как бабы, продавая санки дров,
Стояли, пропотевшие до нитки,
Открытые любому из ветров.
Как после шли они, ссутулив плечи,
Через поля пустынные назад
И вваливались все-таки под вечер
В свои избушки, полные ребят...

Катаются вовсю на санках дети,
Так слова «кочетки» и не узнав,
Не ведая о том, что санки эти
Не каждому служили для забав!

ГРУЗОВИК

Был у нас в районе грузовик —
В дальнем, заболоченном районе.
Всем служить тот грузовик привык,
Потому как общий был, казенный.

И, конечно, все, кому не лень,
Пользовались этим, как умели:
Грузовик работал целый день.
День за днем. Неделю за неделей.

Там, где труден каждый перевал,
Где особо никого не нежат,
Он ходил и в свадебном кортеже,
Он и «скорой помощью» бывал.

То того подбросить, то того —
На поля, в деревни ли, в леса ли —
Посылали в праздники его,
В непогоду тоже посылали.

Знали, что его не сохранить,
Что ему придется жить немного,
Что ему вовеки не ходить
По давно проторенным дорогам.

Что ему особый выпал труд —
Не такой, как чопорным, раздутым
«Волгам» и «Победам», что плывут
По своим асфальтовым маршрутам...

Ты ему при встрече улыбнись,
Потому что путь его был труден.
Честно он прошел его. И жизнь
Отдал, как и следовало, — людям!

КУЗНЕЦ

На пенсию с почетом провожали
Ивана Прохорова, кузнеца.
На торжестве, в просторном клубном зале,
Он загрустил, вздыхая без конца.

Когда ж ему завклубом, дядя Костя,
Шепнул: «Ждем тост!», в стакан его подлив,
Встал со стаканом он и вместо тоста
Сказал: «Ну, вот и списан я в архив...»

Вокруг него, понятно, зашумели,
А Мишка-возчик, первый лоботряс,
От двери крикнул: «Вот уж, в самом деле!
Мне предложи — так я бы хоть сейчас!»

Ему ответил дядя Ваня: «Детство!
Пойми, дурак, я в кузницу пришел,
Когда не только ты — еще отец твой
Пешком ходил, наверное, под стол!

В ней вырос я! У кузницы когда-то
Встречался я с Лукерьею своей.
Из кузницы потом ушел в солдаты.
А из солдат опять вернулся к ней!

И горна не покинул бы пока еще,
Ну, был бы я, положим, садовод
Или, опять же для примера, каменщик,
А то металл — силенка не берет!»

Сказал и сел... Вокруг него сумятица,
А он сидит и тягостно молчит.
А по лицу открыто слезы катятся,
Как кузничные искры горячи.

И у сельчан сердца сжимает что-то.
И даже Мишке чуточку ясней,
Что человек любил свою работу,
Коли так трудно расстается с ней...

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Прибыла в деревню. И как будто
Повзрослела. Поняла, что тут
Не найдешь поддержки института:
Ты и есть тот самый институт.

Ты не только институт. Ты все тут:
Академик. Лектор на дому.
А кому вести здесь культработу,
Если не тебе? Скажи, кому?

Все заботы валятся на плечи,
Крутишься весь день-деньской... И все ж
Самое мучительное — вечер:
Скучновато. Где ты, молодежь?

Где они гремят, фокстроты-вальсы?
За какой из тысячи дорог?
Почему никто не догадался
Заглянуть сюда на огонек?

Заглянуть, покинув танцплощадки,
Постучаться в девичье окно,
Посмотреть на эти вот тетрадки,
На ее курносых пацанов.

Взять подругу за руку несмело,
Что-нибудь хорошее сказать...
Может быть, она бы посмотрела
В голубые, добрые глаза.

Может быть, бы назвала любимым,
Может быть, бы обняла его...
Эх, и зря же парни ходят мимо,
Ходят мимо счастья своего!

ПОСЛЕ РАБОТЫ

По вечерам, ссутулившись немного,
Окончив день, исполненный трудов,
Подходит он к знакомому порогу —
Парнишка восемнадцати годов.

Здесь дом его. И стол. И все, что надо.
И на него с портрета на стене
Спокойным и немного грустным взглядом
Глядит отец, погибший на войне.

Он на отцовское проходит место —
За стол, как полагается большим.
А мать заводит речи о невестах
И о делах советуется с ним.

Потом, окончив ужин, он устало
Взбирается по лесенке наверх,
В широкие объятия сеновала...
И видно: поработал человек!

* * *

Давно забытые, слепые,
Они, тоску в душе храня,
Век доживают, как чужие,
В своих родимых деревнях.

Они все время ждут кого-то.
И, не сумев дождаться, так
Тревожно, одиноко смотрят
На серый, выцветший большак,

Что дай им крылья — поднялись бы,
Покинув старенький плетень...
О, заколоченные избы
Послевоенных деревень!

Куда б меня ни заводили
Дороги юношеских дней,
Вы неизменно всюду были
Больною совестью моей.

Казалось мне, когда я слушал
Стук топоров и скрип гвоздей,
Что заколачивают души
Не у домов, а у людей...

Не потому ль, когда по селам,
Волненье приглушив в себе,
Я снова слышу смех веселый
В когда-то брошенной избе,

То забываю все напасти,
И не бывает лучше дня,
И ощутительнее счастья
Не существует для меня!

ГАРМОНЬ

В. Зыкову

Мне кажется, безвестный мастер древний,
Вложивший в инструмент души огонь,
Придумал специально для деревни
Лихую, голосистую гармонь.

Нестарые и то, наверно, помнят,
Что там гармонь в большой чести была,
Что не было деревни без гармонии,
Тем более — приличного села.

И не было в округе нашей парня,
Который бы в свои семнадцать лет
Не верил, что нужнее, что шикарней
Гармони — ничего на свете нет.

Любая вещь — пусть даже дорогая —
Все только вещь, как там ни хороша.
Ну, а гармонь — статья совсем другая:
Она хотя и вещь, но в ней — душа!

Гармонь — она занятнейшая штука,
Она дороже дружбы и любви.
Дороже всех красавиц, потому как
С гармошкой — все красавицы твои.

О, как вздыхают девушки украдкой,
Как парни дружно лезут в хоровод,
Когда выходит на село двухрядка,
Когда она под вечер запоем!

Лишь гармонист басы рукою тронет —
Прочь грусть-тоска...
А как на праздник быть?
Как обойтись на свадьбе без гармонии?
Как без нее в солдаты проводить?

Да без гармонии — как зимой без снега,
Как летом без погожих дней.

Она

Была в хозяйстве так же, как телега,
А временем — и более нужна...

Ее заслуг никто не позабудет,
Она так просто не отдаст свое.
Ей памятник еще поставят люди
За службу безупречную ее!

СВАДЬБА

Не видал еще нигде
Деревенской свадьбы.
Вдруг удача. «Поглядеть
Хочешь, что ли?» «Рад бы!»
Входим в дом. Сидит жених
На почетном месте.
Словно скованный. Притих.
Плохо и невесте.
Неспроста грустят они —
Им здесь трудновато!
Столько за столом родни,
Столько всяких сватов!
Все на страже, все следят,
Да следят умело:
Это делай, как велят!
Этого не делай!
Старших в доме почитай!
Прочих — честь по чести!
Слишком много не болтай!
Не клонись к невесте!
Да поймай-ка голубка,
Покажи-ка удаль!
Он из тряпок! С потолка
Сыплет солью в блюдо!
Коль поймашь — спору нет —
Дорога милаха!
Не поймашь — тот обед
Съесть заставит сваха!
Вышла сваха на простор —
Не уважишь скоро:
Ноги — с подходом,
Руки — с подносом,
Голова — с поклоном,
Язык — с приговором!
Рядом дружка. Главный тут.
С ним поди поспорь-ка!
Гости вдруг как заорут
В сорок глоток: «Горь-ка!»,
«Горька-а!», «Горька-а!». Стон кругом,
Стихнет чуть — и снова
Стонут гости, стонет дом,
Стонет пол сосновый!

Вышли гости поплясать —
Кто кого сильнее?
Свадьба — это не пахать
Или, скажем, сеять!

Лишь к утру, про все забыв,
Спать уходят сваты.
Разгружаются столы
От еды богатой.
Затихает шум и гром,
Остаются вместе
Лишь невеста с женихом
Да жених с невестой.
И сидят, обнявшись, вновь
Ласкою согреты...
Продолжается любовь,
Кончились запреты!

ПЛАСТИНКА

Неле

Я собирал по селам песни,
Когда узнал: ходи хоть год —
Грачевой бабки интересней
Никто в округе не споет.

Пришел я к бабке, что сидела
С внучонком, сторожила дом.
Поговорил я с ней и — к делу:
«Так как, бабуса, не споем?»

«Нет, милый, зря назад лет двадцать
Со мною не был ты знаком.
Тогда бы если повстречаться,
Так спели б мы со стариком!

Бывало, как на сенокосе
С ним заведем, замрет в тот миг
Село...». «А коль сейчас попросим?»
«Да помер, помер он, старик!

А пели как! В котором годе,
Не помню, так же приезжал
Гость из Москвы. Так при народе
Нас на пластинку записал!

Найти бы вот пластинку эту...»
«А может все-таки споем?»
«Да есть же ведь пластинка где-то!...»
«Не обязательно вдвоем!»

...Мы бились целый час, наверно,
Кричали, спорили, пока
Не убедился я: все верно —
Нет, ей не спеть без старика!

Стараясь, видимо, крепиться,
По-бабьи вдруг не зареветь,
Она сидела, словно птица,
Которой больше не взлететь.

Сидела, теребя косынку,
Уже сползавшую на грудь,
И все твердила: «А пластинку
Найдите все же как-нибудь!»

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Шестнадцать — к тому ж неполных лет,
Совсем еще неопытным мальчонкой,
Я встретился в родном своем селе
С ней — самой лучшей на земле девчонкой.

Тогда-то мир открылся предо мной:
С апрельской предрассветной тишиною.
С ручьями и с каплями. С луной,
Повисшею над самой головою.

Тогда-то я поверил, что легко
И в тундру, и в леса, и в горы съездить.
Проплыть моря. Взлететь до облаков.
До самых дальних от Земли созвездий.

Тогда я в первый раз заговорил.
О, как я каждый вечер вдохновлялся!
И как я ненавидел и любил!
И как я горевал, и как смеялся!

Теперь я так, конечно, не горю —
Закрыта жизни первая страница.
Но до сих пор судьбу благодарю
За то, что мне порой все это снится.

За то, что сердце тот огонь хранит,
За то, что женщина одна — совсем чужая! —
При встречах неизменно говорит,
Что и она об этом вспоминает.

Я слушаю ее. Но я молчу.
Н ухожу, глуша свою тревогу,
Не рассказав, как страстно я хочу
Вернуться на забытую дорогу.

Я ухожу. Мне надо уходить,
Чтоб не будить, чтоб не тревожить слишком
Того, что невозможно вернуть,
Как невозможно снова стать мальчишкой...

ВСТРЕЧА

Когда я, все прокляв на свете,
Вошел из тьмы в вагон, она
Сидела, даже не заметив
Дождя за шторами окна.

Как в городской своей квартире,
Привычной, обжитой давно.
Как в неземном, особом мире,
Куда не всем войти дано.

Не всем. И я заметил сразу,
Что, отличаясь от других,
До голенищ болотной грязью
Мои покрыты сапоги.

Что ватник вовсе промочило,
И что уж порядком худ
 мой плащ...
А ехать нужно было
Каких-то двадцать пять минут.

Я ехал, собственно, по делу —
На первой станции сходить...
И вдруг до боли захотелось
Про все дела свои забыть.

Забыть, окончить счет минутам
И за проснувшейся мечтой
По жизни дальнего маршрута
Поехать с девушкой той.

Вот только бы она сказала...
Уйти?
Или остаться тут?
Да? Нет?..
А ехать оставалось
Уже каких-то пять минут.
Четыре, три... Я поднимался,
Садился за вагонный стол.

Я колебался. Разрывался.
Решал остаться.
И ушел!
Ушел... Но неотвязной тенью

Ко мне попутчица моя
Во сне приходит.
И в смятенье
Средь ночи вскакиваю я.

И вновь зову ее, как юность,
Что в прошлое давно ушла.
И вновь жалею, что не плюнул
Тогда на все свои дела!

ПИСЬМО

Представь себе:

Мы только что с работы

Уставшие, голодные пришли.

И вот, припоминая анекдоты,

Товарищи времянку разожгли.

А на времянке

Сушатся портянки,

И нужно ехать много-много дней

Через поля, леса и полустанки,

Чтобы увидеть свет в твоём окне.

Ты далеко.

Я даже и не знаю,

Где ты сейчас... Ты очень далеко!

И кто-нибудь покой твой охраняет

Надежней расстояний и замков.

Тебе легко

В своём кругу семейном,

Где не страшны усталость и мороз.

И мне добраться до тебя труднее

(Во много раз труднее!),

Чем до звезд...

А звезды опустились

низко-низко,

И мир плывет в безбрежии зари.

Как я хочу сейчас о самом близком,

О самом дорогом поговорить!

Ты для меня
Всех ближе и дороже,
Я все слова тебе одной сберег,
Но грусть мою, конечно, не уложишь
В неряшливую путаницу строк.
Тех строк, что ты, наверно, не читала
Или прочла, усмешки не тая...
Когда же ты такой спокойной стала,
Ты, самая желанная моя?!
Молчишь. Не слышишь.
Знаю — далеко ты.
И безгранична тишина земли.
И спят товарищи —
Они с работы
Уставшие, голодные пришли...

ВОСПОМИНАНИЕ

Я помню:

Шли грузовики

В степи растянутым обозом.

И ветер

Плакал от тоски.

И ноги

Ныли от мороза.

И застывала в жилах кровь.

И друг мой

Вспомнил, как, бывало,

Давным-давно, в краю ином,

Любовь его отогревала.

Твердил он:

«Были времена...»

И все же мы понять сумели,

Что и сейчас

Вела она

Его сквозь ветры

И метели.

Вела она...

И столько в ней

Тепла, в такой далекой, было,

Что нам его

Для трех парней,

Любви не видевших,

Хватило!

* * *

Б. Е. Пильнику

Один поэт прочел стихи мои
И оценил: «Растете понемногу.
Но все-таки еще вы не нашли
Свою, неповторимую дорогу...»

С тех пор дороги — рад я иль не рад —
Мне стали сниться целыми ночами.
Широкие, по типу автострад,
И даже с полосатыми столбами.

Моя дорога мне еще пока
И в самом лучшем сне не попадалась...
Наверное, она не широка
И меж других, широких, затерялась!

МОЯ ПОЭМА

*Ф. Ф. Бородину,
члену КПСС с 1919 года*

*

Есть в каждой человеческой судьбе
Судьба эпохи — властная, большая.
И все-таки поэму о себе
Не со своей судьбы я начинаю.

Моя поэма началась давно,
За все слова, что, может быть, сотрутся,
Заплачено особою ценой —
Ценою крови, войн и революций.

Я не хочу копаться в старине,
Но, может быть, еще в десятом веке
Могли начать поэму обо мне
Иль о другом, таком же человеке...

*

Поэма эта началась с того,
Что на лесной заброшенной опушке
В года былые выросла избушка,
А вслед за нею — целое село.

В нем жили полтора-два чудаков —
Косили сено, по воду ходили,
И молча хоронили стариков,
И молча смену новую плодили.

И было так десятки долгих лет,
Тонули звуки в заболотной зыби...
Потом не выдержал молчанья дед
И поселился где-то на отшибе.

Мой дед был беспокойным чудаком —
К спокойной жизни так и не привык он.
И часто запивал, и далеко
Будил округу песнями и криком.

За ним следили только из окна,
Его старались обойти сторонкой.
И даже лупоглазая луна
Давала крюк над дедовой избёнкой...

Был дед в любой забаве не дурак,
И приносил на праздничные сходки
Он петуха, которого для драк
Кормил горохом, вымоченным в водке.

Но, побуянив, утихал и он,
О новой пьянке думая заране,
И воцарялось, как кошмарный сон,
Зловещее болотное молчанье!

*

Я расскажу, как это началось,
Как, набирая силы для разгона,
Моя поэма прорывалась сквозь
Молчание глухим болотным стоном.

Я говорю за тех, кто не успел
Заговорить и жил в молчанье диком.
За тех, кто только выйдя на расстрел,
Кричал последним человеческим криком.

Нам каждый крик давался нелегко,
И осенью семнадцатого года
Мой дед под топорами кулаков
Погиб за пробуждение народа.

Случилось это хмурым-хмурым днем
Во время спора около нардома.
Был страшен труп остывший, и потом
Его накрыли старою соломой.

На этот труп без шапок и без слов
Глазели люди, затаив дыханье...
И вот моя поэма до краев
Наполнилась обидой на молчанье!

*

И вот моя поэма, оборвав
Пропахшие болотом разговоры,
Произнесла громовые слова
Тяжелыми орудьями «Авроры»!

И много их, услышавших тогда
О новой жизни и о новой власти,
Шло из болот в большие города
Пытать еще неведомое счастье...

Эпоха бурь, не ты ль повинна в том,
Что и отец
 свой дряхлый дом покинул,
И что идти нехоженым путем
Он завещал единственному сыну?

В суровые, тревожные года,
В осеннее дождливое ненастье
Отца звала далекая звезда
Земного человеческого счастья.

В родном селе не плакали о нем,
Его не провожали за ворота —
Еще цеплялся каждый за свое,
Лишь отступило подлое болото!

И на земле, метавшейся в дыму,
Разбуженной от спячки беспробудной,
Отцу искать то счастье одному,
Наверно, было очень, очень трудно.

А я еще не мог ему помочь, —
Я, только начиная жить на свете,
Не мог идти тайгой в глухую ночь
И замерзать в землянке на рассвете.

Не мог еще, болотный мир будя,
Валить деревья, проводить тоннели,
Не мог еще стоять в очередях
И впроголодь работать по неделям.
Не слышал грозный гул передовиц
И родины тяжелое дыханье,
И надвигавшиеся от границ
То злобный вой, то жуткое молчанье...

Но годы шли, но годы шли и шли,
И шла страна — растущий малолеток —
И гулко сотрясала грудь земли
Железными шагами пятилеток!

И воротясь со временем назад,
В село, где деды мучались веками,
Отец, наверно, смог бы рассказать
О новой жизни новыми словами.

История, она всегда права...
Но я еще не мог ему ответить,
Когда свои последние слова
Он крикнул обезумевшей планете.

Когда вдали от нашего села,
В заснеженных равнинах Подмосковья,
Моя поэма вдруг оборвалась
И захлебнулась собственной кровью!

*

Я рос в краю отцовском, далеко,
Среди лесов, на все леса похожих,
И лишь по разговорам стариков
Да по далеким заревам бомбежек
Догадывался,

 что идет война,
И что ее безудержностью древней
Заряжена немая тишина,
Повисшая над каждою деревней.

Как я боялся этой тишины,
Слез матери
 и шепота старушек!
Как рано мне вдали от той войны
Пришлось покинуть звонкий мир игрушек!

Я рос неразговорчивым юнцом,
Считая чуть не целый мир причиной
И горечи, испытанной отцом,
И дедовской нерадостной кончины.

Я спрашивал седых фронтовиков
И старожилов дедовского края:
Где мой отец нашел себе покой?
Что передал он сыну, умирая?
А молодость всегда берет свое...
Не потому ль однажды на рассвете
Поверил я, что мой настал черед,
Что я ее, свою поэму, встретил!

*

Она пришла в сиянии зари.
Она пришла — и никуда не деться.
Она сумела сразу покорить
Наивное мальчишеское сердце.

И почему — не мог бы я сказать,
И для чего — не мог предугадать я,
Вселился целый мир в ее глаза
И в новое сиреневое платье.

Лишь помню, как ходил и проклинал
Себя за ненавистное молчанье,
И как, поняв тоску мою, она
Мне за селом назначила свиданье.

Она пришла ко времени — точь-в-точь,
Как все приходят — просто и знакомо.

Но я запомнил: звезды в эту ночь
Сошли на крышу дедовского дома...

*

Любовь... Еще как будто бы вчера
Она могла за выгоном колхозным
Сидеть со мной до самого утра,
Сосредоточенно считая звезды.

Смотреть, как плавно катится река,
Как волны набегают торопливо...
Она была, по-моему, мягка
И чересчур тиха и молчалива!

Конечно, с ней, быть может, сотню лет,
Подремонтировав домишко старый,
Я мог прожить в прадедовском селе,
Порою отлучаясь на базары.

Но мне мешала дедовская кровь —
Поэтами обыгранная тема...
Прости, прости меня, моя любовь,
Ты не сумела стать моей поэмой!

*

И стало вдруг: в селе ни огонька,
А на душе — неясная тревога.
И навалилась дедова тоска,
И позвала отцовская дорога!
И до большого тракта за село
Меня июльским утром провожая,
Мне мать сказала: «Будет тяжело —
Пиши. Картошки, может, накопаю...»

И все.

И повернулась.

И пошла.

Пошла домой, проглатывая слезы...
А что еще сказать она могла
Как член послевоенного колхоза?!
Она всю жизнь была трудягой, мать,
Из тех, кто звезды не хватает с неба.
Из тех, кто каждый день ложится спать
С тревогой о куске ржаного хлеба.
Она всю жизнь в селе растила рожь,
Всегда не понимая почему-то,
Зачем из дома рвется молодежь,
Где даже стены кормят, если трудно?

Зачем уходит сын, который стал
Мужчиной, мог бы быть ее опорой?
...Прости же, мать, за то, что я молчал —
Слова тогда звучали мне укором.
Прости, что шел на жизнь искать права,
Как шли, наверно, в молодости все мы.
Прости, что приберег тогда слова
Для ненаписанной еще поэмы!

*

Земля необозримо велика,
А жизнь так просто не уложишь в схему...
Как трудно и как долго я искал
Ее, мою суровую поэму!

Я в жизнь себе искал прямых путей,
Которые с отцовскими сошлись бы,
В те дни, когда на родине моей
Молчали заколоченные избы.

Меня ошеломляла целина
Могучим неразбуженным простором.
Я в общежитиях запоминал
Студенческие яростные споры.

Я научился в дальних деревнях
Шагая с комсомольскою бригадой,
В глазах людей, смотревших на меня,
Искать за все труды свои награду.

Я так же, как и все, не мог уснуть
В тот день, когда писали все газеты
О том, что мировую тишину
Прорвали краснозвездные ракеты.

И в столбиках скупых газетных строк,
И в спорах, порождающих проблемы,
И в километрах пройденных дорог
Искал я продолжение поэмы...

*

И вдруг пришел потрепанный конверт:
Сосед мой, после долгого молчанья,
Прислал мне самый пламенный привет
И много наилучших пожеланий.

Он мне писал: «Ну, как твои дела?
Вернешься ли в отцовские палаты?
А здесь теперь другая жизнь пошла,
Хоть с лесом, правда, стало трудновато.

А как, сосед, там в городе зима?»
За сотни верст — хорошее соседство!
...И на меня от этого письма
Повеяло деревнею и детством.

Он пишет: «Слышно, в гору ты пошел.
Ну, как твои успехи по газетам?..»
И вот передо мной уже не стол,
А озеро, ровесники и лето.

«Стихи твои, — он пишет, — берегу —
Не часто ведь случается такое...»
И вот я на заброшенном лугу
Опять встречаюсь с первою любовью.

«Что, — пишет он, — скитаться по земле?
Тебя, мол, здесь пока не забывают.
Мол, стало быть, у нас, в родном селе,
Она, твоя поэма, проживает...»

*

И вот теперь, почти лишившись сна,
На улицу села родного выйдя,
Стою я возле каждого окна,
Чтобы свою поэму в нем увидеть.

Вот вижу я: за ужином сосед
Сидит среди достатка и довольства...
А знает он, что мой отец и дед
Жизнь отдали во имя беспокойства?

Вот вижу я любовь мою — она
В кругу семьи, где я вовеки не был...
А видно ей из этого окна
Огромное задумчивое небо?

Иду я по знакомой стороне,
Стою я у знакомого порога
И слышу, как сжимает сердце мне
С далеких лет знакомая тревога.

Она во мне от деда и отца —
Ведь не случайно, не забавы ради,
Я, проходя у старого крыльца,
Подтягиваюсь, словно на параде.

И чувствую: конца поэмы нет,
Все это — только самое начало.
Ведь мне пока что только двадцать лет —
Я думаю, что это очень мало!

Моя поэма ширится, растёт,
Она не остановится на точке,
Она ещё в грядущее войдёт
Хотя б одной, единственной строчкой.
Ей побеждать, расти, идти вперед,
А мне сквозь жизнь нести её достойно.
И никогда не кончится наш род,
Род несговорчивых и беспокойных!